

Яков Петрович Полонский (1819-1898)

Бэда-проповедник

Был вечер; в одежде, измятой ветрами,
Пустынной тропкою шел Бэда слепой;
На мальчика он опирался рукой,
По камням ступая босыми ногами, -
И было все глухо и дико кругом,
Одни только сосны росли вековые,
Одни только скалы торчали седые,
Косматым и влажным одетые мхом.

Но мальчик устал; ягод свежих отведать,
Иль просто слепца он хотел обмануть:
"Старик! - он сказал, - я пойду отдохнуть;
А ты, если хочешь, начни проповедать:
С вершин увидали тебя пастухи...
Какие-то старцы стоят на дороге...
Вон жены с детьми! говори им о Боге,
О Сыне, распятом за наши грехи".

И старца лицо просияло мгновенно;
Как ключ, пробивающий каменный слой,
Из уст его бледных живою волной
Высокая речь потекла вдохновенно -
Без веры таких не бывает речей!..
Казалось - слепцу в славе небо являлось;
Дрожащая к небу рука поднималась,
И слезы текли из потухших очей.

Но вот уж сгорела заря золотая
И месяца бледный луч в горы проник,
В ущелье повеяла сырость ночная,
И вот, проповедуя, слышит старик -
Зовет его мальчик, смеясь и толкая:
"Довольно!.. пойдём!.. Никого уже нет!"
Замолк грустно старец, главой поникая.
Но только замолк он - от края до края:
"Аминь!" - ему грянули камни в ответ.

* * *

О Боже. Боже!
Не Ты ль вещал,
Когда мне дал
Живую душу:
Любить - страдать -
Страдать и жить -
Одно и то же.

Но я роптал,
Когда страдал,
Я слезы лил,
Когда любил,
Негодовал,
Когда внимал
Суду глупцов
Иль подлецов...

И утомленный,
Как полусонный,
Я был готов
Борьбе тревожной
Предпочитать
Покой ничтожный,
Как благодать.

Прости! - И снова
Душа готова
Страдать и жить,
И за страданья
Отца созданья
Благодарить...

1840-1845

* * *

О, подними своё чело!
Не верь тяжёлым сновиденьям;
Не предавайся сожаленьям
О том, что было и прошло,
О том, что спит в сырых могилах,
Чего мы воротить не в силах.

Зачем так рано погребать
Невозможные надежды
И, с простодушием невежды,
Во всеуслышанье роптать?
Чтоб жизнь была тебе понятна —
Иди вперёд и невозвратно.

Не бойся душу предавать
Потоку чувств и мыслей новых,
Своим стремлением готовых
Тебя невольно увлекать
Туда, где впереди так много
Сокровищ спрятано у Бога!

Для созерцающих очей
И для внимающего слуха
Доступен тайный образ духа
И внятен смысл его речей —
Глагол, в пустыне вопиющий,
Неумолкаемо зовущий.

1843

На корабле

Стихает. Ночь темна. Свисти, чтоб мы не спали!..
Ещё вчерашняя гроза не унялась:
Те ж волны бурные, что с вечера плескали,
Не закачав, ещё качают нас.
В безлунном мраке мы дорогу потеряли,
Разбитым фонарём не освещён компас.
Неси огня! звони, свисти, чтоб мы не спали! —
Ещё вчерашняя гроза не унялась...
Наш флаг порывисто и беспокойно веет;
Наш капитан впотьмах стоит, раздумья полн...

Заря!.. друзья, заря! Смотрите, как яснееет —
И капитан, и мы, и гребни чёрных волн.
Кто болен, кто устал, кто бодр ещё, кто плачет,
Что бурей сломано, разбито, снесено —
Всё ясно: Божий день, вставая, зла не прячет...
Но — не погибли мы!.. и много спасено...
Мы мачты укрепим, мы паруса подтянем,
Мы нашим топотом встревожим праздных лень —
И дальше в путь пойдём, и дружно песню грянем:
Господь, благослови грядущий день!

1856

Молитва

Отче наш! Сына моленью внемли!
Все-проникающую,
Все-созидающую,
Братскую дай нам любовь на земли!

Сыне, Распятый во имя любви!
Ожесточаемое
Оскудеваемое
Сердце Ты в нас освежи, обнови!

Дух Святой! Правды источник живой!
Дай силу страждущему!
Разуму жаждущему
Ты вожделенные тайны открой!

Боже! Спаси Ты от всяких цепей
Душу проснувшуюся
И ужаснувшуюся
Мрака и зла и неправды людей!

Вставших на глас Твой услыши
мольбу,
И цепенеющую,
В лени коснеющую
Жизнь разбуди на святую борьбу!

Между 1855 и 1860

У храма

Душный день догорал,
Дальний звон меня звал,
И как в рай, в Божий храм
Запросилась душа.
И спеша, и дыша
Тяжело, по пескам,
По лесистым буграм
Шел я, бледен и хил,
Точно крест волочил,
И дошел до ворот,
Где теснился народ.

Жаждал видеть я ряд
Посребренных лампад,
Запрестольных свечей
Седьм горящих огней;
Созерцать в золотых
Ризах лики святых,
Певчим хорам внимать
И блаженно вздыхать,
В теплом дыме кадил,
Чуя Господа сил.

Но я, хил и убог,
В храм пробраться не мог:
Суетливой толпой,
Теснотой, толкотней,
Я - безжалостно смят,
Я - отброшен назад,
И, как нищий старик,
У решетки поник.

Крест на храме сиял,
Он один затмевал
Сотни наших свечей,
Весь в багрянце лучей
Он сиял от зари,
Что твои алтари!
Там стрижи вверх и вниз
Чуть мелькая вились,
И, забывчиво-тих,-
Я заслушался их.

Как над былием лес,
Над землей, надо мной,
Над церковной главой
Вековечных небес
Расстилалась высь.
"Малoverный, молись!"
Как журчанье волны,
Пронеслось с вышины...
И уж я сознавал,
Что я в храме стоял, -
В храме, полном огней,
Перелетных лучей,
И невидимых крыл,
И неведомых сил.

Между 1885 и 1890

Век

Век девятнадцатый - мятежный, строгий век -
Идет и говорит: "Бедняжка человек!
О чем задумался? бери перо, пиши:
В твореньях нет творца, в природе нет души.
Твоя вселенная - брожение сил живых,
Но бессознательных, - творящих, но слепых,
Нет цели в вечности; жизнь льется, как поток.
И, на ее волнах мелькнувший пузырек,
Ты лопнешь, падая в пространство без небес, -
Туда ж, куда упал и раб твой, и Зевес,
И червь, и твой кумир; фантазию твою
Я разбиваю в прах... покорствуй, я велю!"
Он пишет - век идет; он кончил - век проходит.
Сомненья вновь кипят, ум снова колобродит, -
И снова слушает бедняжка-человек,
Что будет диктовать ему грядущий век...

1864

Прости им

Христос! Не Ты ли приходил
Сказать нам: «Будьте яко дети», -
Я как ребёнок полюбил,
И хитрецами пойман в сети.

Христос! Не Ты ли яко Бог
Сказал: «Врагов своих любите», -
Любя, я враждовать не мог
И молвил им: «Не осудите...»

Но мне от них покоя нет, -
Невежды туги на прощенье,
И не щадят они клевет,
Чтоб истощить моё терпенье.

Христос! Ты повелел прощать...
Прости им - так, как я прощаю.
Меня вовек им не понять,
А я их глупость понимаю.

Мировая ткань

Н.Н. Страхову

Ткань природы мировая -
Риза - Божья, может быть...
В этой ризе я - живая,
Я - непорванная нить.
Нить идет, трепещет, бьется,
И уж если оборвется,
Никакие мудрецы
Не сведут ее концы:
Вечный ткач их так запрячет,
Что (пускай кто хочет плачет!)
Нити порванной опять
Не найти и не связать...
Нити рвутся беспрестанно, -
Скоро, скоро мой черед! -
Ткач же вечный неустанно
Ткань звездистую ведет;
И выводит он узоры:
Голубые волны, горы,
Степи, пажити, леса,
Облака и небеса;
И куда мудрец ни взглянет,
Ни прорехи, ни узла нет:
Светозарна и ровна
Божьей ризы тонина.

Светлое воскресенье

Весть, что люди стали мучить Бога,
К нам на север принесли грачи...
Потемнели хвойные трущобы,
Тихие заплакали ключи...
На буграх камня обнажили
Лысины покрытые в мороз...
И на камни стали капать слезы
Злой зимой очищенных берез.

И другие вести, горше первой,
Принесли скворцы в лесную глушь:
На кресте распятый, всех прощая,
Умер Бог, Спаситель наших душ.
От таких вестей сгустились тучи,
Воздух бурным зашумел дождем...
Поднялись — морями стали реки
И в горах пронесся первый гром.

Третья весть была необычайна:
Бог воскрес, и смерть побеждена!
Эту весть победную примчала
Богом воскрешенная весна...
И кругом леса зазеленели,
И теплом дохнула грудь земли,
И внимая трелям соловьиным,
Ландыши и розы зацвели.

Золотой телец

Не сотвори себе кумира.
Заповедь

На громоносных высотах
Синая, в светлых облаках,
Свершилось чудо. Был отверст
Край неба, и небесный перст
Писал на каменных досках:
«Аз есмь Господь — иного нет!»
Так начал Бог святой завет.

Они же, позабыв Творца,
Из злата вылили тельца;
В нем видя Бога своего,
Скакали толпы вокруг него,
Взывая и рукоплеща,
И жертвенник пылал, треща,
И новый бог, сквозь серый дым,
Мелькал им рогом золотым.
Но вот с высот сошел пророк, —
Спустился с камня на песок,

И увидел их, и разбил
Свои скрижали, и смутил
Их появлением своим.
Нетерпелив, неукротим,
Он в гневе сильною рукой
Кумир с подножья своротил
И придавил его пятой...

Завыл народ и перед ним,
Освободителем своим,
Пал ниц - покаялся, а он
Напомнил им о Боге сил -
Едином Боге, и закон
Поруганный восстановил.

Но в оны дни и не высок,
И мал был золотой божок,
И не оставили его
Лежать в пустыне одного.
Чтоб вихри вьющимся столбом
Не замели его песком:
Тайком Израиля сыны,
Лелея золотые сны,
В обетованный край земли
Его с собою унесли.

Тысячелетия прошли.
С тех пор божок их рос, все рос
И вырос в мировой колосс.
Всевластным богом стал кумир, —
Стал золоту послушен мир...
И жертвенный наш фимиам
Уж не восходит к небесам,
А стелется у ног его;
И нет нам славы без него,
Ни власти, ни труда, ни зла,
Ни блага... Без его жезла
Волшебного - конец уму,
Науке, творчеству, - всему,
Что слышит ухо, видит глаз.
Он крылья нам дает - и нас
Он давит; пылью кроет пот
Того, кто вслед за ним ползёт,
И грязью брызжет на того,
Кто просит милости его.
Войдите в храм Царя царей,
И там, у пышных алтарей,
Кумира вашего дары
В глаза вам мечутся, и там
В часы молитвы снятся вам
Его роскошные пиры, -
Где блеск, и зависть, и мечты
Сластолюбивой красоты,
И нега, и любовью торг
В один сливаются восторг...

Обожествленный прах земной
Стал выше духа, — он толпой
Так высоко превознесен,
Что гений им поработен
И праведник ему не свят,
Не даром все ему кадят.
Захочет он — потрянет казной,
И кровь польется, и войной
И ужасами род людской

Охвачен будет, как огнем.
Ему проклятья нипочем.
Он нам не брат и не отец,
Он бог наш – золотой телец!

Скажите же: с каких высот
К нам новый Моисей сойдет?
Какой предъявит нам закон?
Какою гневной силой он
Громаду эту пошатнет?
Ведь, если б вдруг упал такой
Кумир всесветный, роковой,
Языческий, земле родной, –
Какой бы вдруг раздался стон!
Ведь помрачился б небосклон,
И дрогнула бы ось земли!..

* * *

Из вечности музыка вдруг раздалась
И в бесконечность она полилась,
И хаос она на пути захватила, -
И в бездне, как вихрь, закружились светила:
Певучей струной каждый луч их дрожит.
И жизнь, пробужденная этою дрожью,
Лишь только тому и не кажется ложью,
Кто слышит порой эту музыку Божью,
Кто разумом светел, в ком сердце горит.

* * *

То в темную бездну, то в светлую бездну,
Крутясь, шар земли погружает меня:
Питают, пытаются мой разум и веру
То призраки ночи, то призраки дня.
Не верю я мраку, не верю я свету, -
Они - грезы духа, в них ложь и обман...
О, вечная правда, откройся поэту,
Отвей от него разноцветный туман,
Чтоб мог он, великий, в сознание обмана,
Ничтожный, как всплеск посреди океана,
Постичь, как сливаются вечность и миг,
И сердцем проникнуть в Святая Святых.

15 июля 1888 года

В 900-летний юбилей крещения России

Жизнь без Христа - случайный сон.
Блажен, кому дано два слуха -
Кто и церковный слышит звон,
И слышит вещей голос Духа.
Тому лишь явны небеса,
Кто и в науке прозревает
Неведомые чудеса
И Бога в них подозревает... -
Как высочайший идеал,
Как истинный залог спасенья, -
Любовь и самоотверженье
Христос народам завещал.
В тот день, когда мы облечемся
Душой в нетление Христа,
От черных дел мы содрогнемся
И, обновленные, очнемся, -
И ложь не свяжет нам уста.
Сегодня, в первый день крещенья,
Быть может, в бедные селенья,
В обители труда и слез,
Не в нищем рубище Христос
Сойдет, а с ветвию оливы,
И скажет: "Будьте все счастливы,
Все - пожелайте всем добра!..
Сегодня день, когда впервые
Владимир и Мои святые
Крестили Русь в волнах Днепра!.."
Князь Киевский, когда-то гневный,
В союзе с греческой царевной
В златом венце и на своем
Великокняжеском престоле
Для пахаря в далеком поле,
Для гусяра на вольной воле
И для дружинника с копьем -
Для всех стал другом и отцом
И Красным Солнышком желанным...
Пришла Андреем Первозванным
Предвозвещенная пора:
Взыграли омуты Днепра,
Славян пугающие боги
Разбились об его пороги
И дрогнули богатыри,
И разбежались дикари...
О, как от утренней зари
Бегут, шатаясь, тени ночи,
И солнце радует нам очи

И озаряет алтари,
Так в день великого крещения
Сияй нам, вера! Прочь сомненья!
Русь не была бы никогда
Такой великою Россией,
Когда б она была чужда
Любви, завещанной Мессией.
Пусть охлажденные умы
Все отрицать готовы, - мы
Не даром приняли с Востока
Святую веру, - видит око
И слышит ухо наше, - мы
Еще не оскудели сердцем;
Еще мы рады помогать
Разрозненным единоверцам
И пленных братьями считать:
Без нас не встала бы Эллада,
Ей не помог бы Римский трон,
Не рухнул бы Наполеон
И грозных войск его громада.
Под тяжким игом мусульман
Без нас забыли бы славян, -
Мы жизнь несли на их могилы...
Расшатывая вражьи силы,
Мы не считали наших ран...
Мы за геройские деянья
Не ждали злата и серебра...
За дело славы и добра
Мы не просили воздаянья...
И если перст Господний вновь
Нам цель высокую укажет, -
Что делать, сердце нам подскажет
И христианская любовь!
В сей день торжественный и славный
Россия, веру призови!
Нас бережет Отец Державный
Для новых подвигов любви...

Стансы

Не нужны Божьим небесам
Явленья призрачные... Вечность
Одно спасет и сохранит:
Божественную человечность.

Земля земную втянет плоть, -
В мрак унесет ее химеры, -
Одна бессмертная любовь
Нам оправдает силу веры.

Но вера скудная моя
Могучих крыл не отрастила:
Страшна ей вечность впереди
И омерзительна могила.

Быть человеком не легко, -
Труднее, чем создать поэму,
Сломить врага, воздвигнуть храм,
Надеть в алмазах диадему.

* * *

После зимы и разлива весеннего - лето,
После цветов, после свежих плодов - увяданье,
После ночной темноты - золотой час рассвета,
После беспечно-веселых ночей - ночь страданья...
После покоя душевного - бури и грозы,
Или томящие дни без надежды и ласки,
После паденья - раскаянья поздние слезы,
Или - все то, что в былом было сладко нам - сказки!
После великого подвига - смятая сила,
После горячего проблеска веры - сомненье,
После напрасных, последних усилий - могила,
"Вечная память" и - вечное в мире забвенье...
Жить нелегко... в жизни вечно есть что-то грозящее, -
Между прошедшим и будущим наше сознание
Ловит лишь то, что бросает нам время летящее...
Счастлив, кто ищет спасенья от зол и страдания
В лоне Того, Кто во веки веков - Настоящее.

Агарь

"Завистью гонима, я бегу стыда -
И никто не сыщет моего следа.
Кущи господина! сени госпожи!
Вертоград зелёный! столб родной межи!
Поле, где доила я весёлых коз!
Ложе, где так много пролила я слёз!
И очаг домашний, и святой алтарь -
Всё прости навеки!" - говорит Агарь.
И её в пустыню дух вражды влечёт,
И пустыня словно всё за ней идёт,
Всё вперёд заходит, и со всех сторон
Ей грозит и душит, как тяжёлый сон.
Серые каменья, лава и песок
Под лучами солнца жгут подошвы ног;

Пальм высоких листья сухо шелестят;
Тени без прохлады по лицу скользят;
И в лицо ей ветер дышит горячо;
И кувшин ей давит смуглое плечо.
Сердце замирает, ноги устают,
Слёзы высыхают и опять текут...
Чу! вдали журчанье ключевой воды,
По краям оврага свежие следы.
Знать, недаром пастырь здесь прогнал стада:
Вот - скамья и жёлоб, зелень и вода.
И, слагая ношу, села отдохнуть
Бывшая рабыня, будущая мать.
И страшась пустыни и боясь пути,
И не зная, где ей спутников найти,
Головой поникла с тайною мольбой.
Вдруг, как будто с ветром, сладостно живой
Голос не воздушный, но и не земной
Прозвучал в пустыне, говоря с душой.
И она очнулась... слушая, глядит,
Видит - ангел Божий на песке стоит.
Белая одежда, белое крыло,
Кроткое сиянье - строгое чело.
"Ты куда?" - спросил он. "Я иду в Кадис".
И сказал ей ангел: "С миром воротись". -
"Я бегу от Сарры, госпожи моей".
И сказал ей ангел: "Примирился с ней!..
И родишь ты сына, силу многих сил...
Наречеша имя ему Исмаил.
И рука Господня будет вечно с ним...
Населятся страны семенем твоим..."
И с отрадой в сердце начала вставать
Бывшая рабыня - будущая мать.

1855

В потерянном раю

Уже впервые дымной мглою
Подёрнут был Едемский сад,
Уже пожёлкнувшей листвою
Усеян синий был Евфрат,
Уж райская не пела птица -
Над ней орёл шумел крылом,
И тяжело рычала львица,
В пещеру загнанная львом.
И озирали злой дух с презреньем
Добычу смерти - пышный мир

И мыслил: смертным поколениям
Отныне буду я кумир.
И вдруг он видит, в райской сени,
Уязвлена, омрачена,
Идёт, подобно скорбной тени,
Им соблазнённая жена.
Невольно прядью кос волнистых
Она слегка прикрыла грудь,
Уже для помыслов нечистых
Пролёт ей в душу знойный путь.
И, ей десницу простирая,
Встаёт злой дух, - он вновь готов,
Ей сладкой лестью слух лаская,
Петь о блаженстве грешных снов.
Но что уста его сковало?
Зачем он пятится назад?
Чем эта жертва испугала
Того, кому не страшен ад?
Он ждал слезы, улыбки рая,
Молений, робкого стыда...
И что ж в очах у ней? - такая
Непримиримая вражда,
Такая мощь души без страха,
Такая ненависть, какой
Не ждал он от земного праха
С его минутной красотой.
Грозы божественной сверканье -
Тех молний, что его с небес
Низвергли, - не без содроганья
В её очах увидел бес,
И в мглу сокрылся привиденьем,
Холодным облаком осел,
Змеёй в траву прополз с шипеньем,
В деревьях бурей прошумел.
Но сила праведного гнева
Земного рая не спасла,
И канула слеза у древа
Познания добра и зла...

1876